

К северо-востоку от общеобразовательных корпусов Академии Такаакита находилось квадратное трехэтажное здание.

Плоское строение было частично сделано из кирпича и имело террасу. В передней части также находилась дверь входа, ведущего в подвал. Над входом висела надпись, гласившая: «Главная столовая».

Во время весенних каникул было открыто только подвальное помещение.

Вниз вела широкая лестница. На табличке, прикрепленной к стене, значилось толстым готическим шрифтом «Открыто круглые сутки» «Однако поздно ночью и по выходным предоставляются только ограниченные услуги», — шло ниже по тексту.

Вниз по лестнице в слабо освещенном пространстве выстроились бок о бок восемь больших стеклянных дверей.

В вестибюле стояла шеренга билетных автоматов столовой и несколько больших досок объявлений.

Дальше находилась пятидесятиметровая квадратная площадь с белыми стенами. На равном расстоянии друг от друга разместились прямоугольные колонны, и между ними заняли место восемь столов.

Однако внутри было лишь несколько человек. Лавки по углам прикрыли ставнями, и только над областью вокруг прилавка у восточной стены горел свет.

За столами сидели несколько человек в повседневной одежде и школьной форме и парочка других, одетых в красные рубашки и форму регби[□]Регби-15, регби-юнион или просто регби — контактный командный вид спорта, возникший в XIX веке в Англии, один из видов регби-футбола.. Ко всему прочему, у прилавка стояли девушка, носившая школьную форму, и черный кот.

Девушку, чьи серые волосы струились по спине, звали Брюнхильд.

Она поместила руки на прилавок и уставилась на кухню.

Наконец, предмет, которого ожидала Брюнхильд, прибыл.

Пожилая женщина, одетая в кухонный передник, вынесла картонную коробку площадью в 30 квадратных сантиметров.

На ее дне постелили полотенце, а в углу стояли две плоскодонные фарфоровые чашки. В одной

находилась вода, а в другой — сухие зерна, раскрошенные на довольно большие куски. Между двумя чашками скакал маленький птенец.

— Ох и тяжелую ношу ты на себя берешь. Но он уже почти вырос, так что у тебя не должно быть особых проблем, — произнесла старушка.

После чего женщина отпустила коробку, Брюнхильд поклонилась и сама потянулась за ней.

Она подхватила ее руками.

—...

Брюнхильд её обняла.

Изнутри на нее глядел птенец. Когда он склонил на бок свою небольшую головку, девушка улыбнулась.

Она услышала голос пожилой женщины:

— Это навевает воспоминания. Когда я была ребенком, то тоже поймала одну.

— Серьёзно?

— Да, да. Даже старушка вроде меня когда-то была молодой, как ты.

Брюнхильд затихла, но черный кот у ног ткнул передней лапой в ее левую голень.

Девушка воспользовалась левой стопой, чтобы пнуть кота под стойку.

Пожилая женщина не заметила этого обмена ударами, потому она глянула на птенца и заговорила:

— Это случилось вскоре после войны. Я стащила немного пшеницы и sake, которое мой отец достал на черном рынке. Замочила пшеничные зерна в sake и разбросала их по земле.

— Чтобы отдать их... птице?

— Да, да. Я швырнула горсть далеко-далеко. Когда она их поела, я кинула еще одну чуть ближе, повторяя процесс. К тому времени, когда она оказалась достаточно близко, она уже не могла улететь.

— Потому что опьянела?

— Именно. Но она исчезла на следующий день, после того как я ее поймала. Мой отец был недоволен, когда она пропала, и жаловался, что птица выглядела аппетитно. ...После этого я пришибла его поленом.

Брюнхильд проигнорировала вторую половину рассказа и замолчала, но черный кот слегка ударил ее по правой голени, когда вернулся.

Она откинула его вдаль правой ногой, немного опустила взгляд и зыркнула на кота.

Он смотрел на нее исподлобья с того места, где лежал на полу.

Но едва их глаза встретились, черный кот съежился и попятился.

Брюнхильд наклонила голову и задумалась, неужели ее взгляд настолько суров.

Но затем она ощутила позади себя присутствие. Из-за которого кот и отступил.

— !?..

Она поставила коробку на стойку и повернулась. Прямо перед глазами на расстоянии вытянутой руки находилась грудь в черном жилете.

Удивившись, девушка отступила на шаг и подняла глаза, чтобы оценить ситуацию.

Над черным жилетом виднелся воротник белой рубашки. Еще выше обнаружилась белая борода и лысая голова.

Брюнхильд знала этого человека.

До того, как она успела что-то предпринять, прозвучал голос из-за прилавка.

— Ой, Зонбург-сан. Вы сегодня припозднились.

Зигфрид Зонбург стоял рядом с Брюнхильд. Он наклонил свое громадное тело, чтобы поместить талон столовой на противоположную часть прилавка.

Пожилая женщина взглянула на талон и спросила:

— Который?

— Дория.

— О, блевотный рис. Эй там, у нас еще рис остался?

— Даже если все его так называют, мне кажется, что тому, кто его готовит, стоит избегать такого наименования.

— Его с трудом можно называть Дория. Я научилась готовке от своей мамы.

— Дория — домашнее блюдо. Вам нечего стыдиться.

— Да ладно, — рассмеялась пожилая женщина, но выражение лица Зигфрида не изменилось.

Брюнхильд глянула на него, задержав дыхание.

Вдруг он повернулся в ее сторону.

Девушка насторожилась. Она подняла правую руку в воздух и сунула левую руку в карман пиджака. Ее лицо лишилось всяких эмоций, а глаза пристально на него уставились.

Однако Зигфрид смотрел не на нее.

Его взгляд упал на коробку на прилавке. Птенец внутри глянул на него и чирикнул. Зигфрид вернул взгляд птенца и приоткрыл рот для беседы:

— Брюнхильд Шильд-кун.

Девушка ахнула, когда назвали ее имя.

Она сглотнула и спросила:

— Откуда Вы знаете мое имя?

— Каждый раз, когда Вы берете книгу, Вы благодарите помощника библиотекаря, а не меня. Я заведу библиотечными карточками, поэтому я, естественно, узнал Ваше имя.

— Как низко с Вашей стороны.

— Нет, я просто назвал причину, по которой мне известно, как Вас зовут. Я не прошу меня благодарить. К подобным выводам привела Вас гордость, — Зигфрид оглянулся через прилавок.
— Библиотека открыта. В секциях биологии и животноводства есть некоторые книги, посвященные заботе о животных. Вам следует взять одну из них прямо сейчас.

— Это приказ?

— Я просто желаю лучшего для птенца. ...Но не могу позволить содержать птицу в том же помещении, что и кота.

— Не переживайте. Мой кот мне верен.

Это замечание вызвало резкий удар по ее голени от передней лапы черного кота. Прежде чем схватить коробку, Брюнхильд махнула правой пяткой назад и отшвырнула зверька подальше.

Зифгрид не смотрел в ее сторону.

Она отступила на шаг, чтобы создать небольшой промежуток между ними.

Библиотекарь дал ясный ответ на ее молчание.

Он проигнорировал девушку, и тишина продолжилась.

—...

Брюнхильд развернулась в сторону выхода.

Она двинулась вперед, и черный кот нервно засеменял за ней.

Девушка глянула вниз на коробку, обнаружив, что птенец смотрит на нее, склоняя головку.

Брюнхильд продолжала смотреть на птенца, не оборачиваясь.

Она задержала дыхание и быстро покинула столовую.

К северу от общеобразовательных корпусов расположилась шеренга белых строений. Здания разместились в форме креста, и на первый взгляд походили на трехэтажные школьные здания.

Однако окна, что выстроились на южной стороне, были меньше и многочисленней, чем те, что в школе.

Через каждое просматривались два стола рядом с окном и двухъярусная кровать у стены.

Это школьные общежития.

Сейчас здания окрасились в цвета заходящего солнца.

Между багровым сиянием солнца и иссиня-черными тенями зданий виднелась одинокая фигура.

Это Саяма, по-прежнему одетый в черный костюм. Он быстрым шагом добрался до здания на юго-западном краю шеренги общежитий.

Парень прибыл к белостенному входу с вывеской: «Четвертое общеобразовательное общежитие — Истинно Мужское Общежитие».

Саяма остановился у входа.

Взгляд на часы сообщил ему, что уже полшестого вечера. Он только вернулся после беседы с Ооширо на тему завтрашних предварительных переговоров с мирной фракцией 1-го Гира.

Саяма глянул вниз и увидел Баку, спящего с высунутой головкой из его грудного кармана. И...

— ?

Парень неожиданно повернулся на восток, где находилось здание столовой. Он заметил какое-то движение.

Саяма увидел девушку с коробкой в руках, направляющуюся к общеобразовательным корпусам.

...Это глава клуба изобразительного искусства, с которой я разминулся сегодня утром.

У нее, наверное, еще остались дела.

Она довольно старательна, — подумал он, переведя дух. — Мне нужно посетить Зигфрида в библиотеке, и потом Изумо с Казами в женском общежитии.

Затем он повернулся к своему зданию и посмотрел вверх на собственную комнату на восточном краю второго этажа.

И в тот же миг выражение его лица изменилось. Он нахмурился.

—...Там горит свет?

Хотя окно и отражало заходящее солнце, он мог увидеть за ним освещенную комнату.

Парень не помнил, чтобы оставлял свет, перед тем как отправляться днем в Императорский Дворец.

Кто бы это мог быть? — задумался Саяма, поспешив в общежитие.

В ту же секунду он услышал впереди себя голос Ооки.

— О, Саяма-кун.

Она шагала от входа в сандалиях, одетая в рубашку и плотную джинсовую юбку.

— Ты как раз вовремя.

Женщина преодолела низкую лестницу у входа в один шаг и остановилась перед Саямой, зашуршав по гравию.

— В чем дело, Ооки-сенсей? Меня ждет впереди неотложное дело, так что я хотел бы поспешить к месту назначения.

— Хе, хе, хе. Ты всегда разговариваешь так формально. Но ты пожалеешь, если не выслушаешь то, что я...постой!

Когда Саяма ее проигнорировал и попытался пройти мимо, она схватила его за рукав.

— Вы не могли бы за него не хвататься? К Вашему сведению, он весьма дорогой.

— Мне кажется, тебе не следует судить о важности вещей по денежному признаку.

— Он итальянский и стоит 720 тысяч йен.

— Вай! Извини! Но просто на всякий случай, я никогда, никогда в жизни не смогу за это расплатиться!

— Я в курсе. Мне кажется, вам лучше перестать занимать стандартное сиденье перед магазином в столовой.

— Но я люблю хлеб с джемом. Какая жалость, что магазин закрыт во время весенних каникул... Стой, прошу, выслушай меня, перед тем как уходить!

На этот раз она схватила Саяму за руку. Он вздохнул, повернулся к Ооки и кивнул.

— Прошу прощения, но я боюсь, что подхвачу Вашу бедность. Будьте добры, держите ваши Ооки-микроорганизмы подальше от меня.

— Если ты будешь такое говорить, я не расскажу, что у тебя новый сожитель!

— Если Вы будете такое говорить, мне захочется сообщить Вам о Вашей непроходимой глупости.

— Чё? — произнесла Ооки, задумавшись над тем, что до этого произнесла.

Саяма вежливо убрал ее руку и спросил:

— Так или иначе, что здесь происходит? Я получил эту одиночную комнату благодаря чуду, когда по счастливой случайности выиграл на розыгрыше.

— Я не буду спрашивать, как ты повлиял на это чудо и счастливую случайность... Как бы то ни было, удача и счастливый случай кончаются сегодня. Просто смиришься.

Она показала пальцем на Саяму, когда говорила, но он не обратил на это внимания. Ооки тут же потянула его за руку.

— Почему ты меня игнорируешь?

— Ну, Вы уже сообщили мне всё, что я должен знать, не так ли? Прибыл паразит, — сказал Саяма.

Ооки подняла указательный палец и слегка щелкнула языком.

— Слушай. Дай-ка сначала предупредить. ...Твой новый сосед к тебе еще не привык, поэтому постарайся не говорить ничего неподобающего.

— Вы что, совсем из ума выжили, Ооки-сенсей? Когда это я делал или говорил что-нибудь неподобающее?

— Ты делаешь это прямо сейчас и в эту же минуту!

— Ну-ну, — произнес Саяма, выставив правую ладонь в успокаивающем жесте. — Я понимаю, что Вы хотите сказать, поэтому не переживайте. Вы хотите, чтобы я вел себя предельно вежливо, так?

— Так, — кивнула Ооки, перед тем как скрестить руки на груди. — Этого я и хочу...но с тобой...

Она застонала, и Саяма безмолвно щелкнул ее по лбу правой рукой.

Саяма отметился на вахте, переобулся в комнатные тапочки и поднялся по лестнице.

Баку высунул голову из нагрудного кармана парня и взобрался ему на плечо. Зверек, наверное, подозревал, что они уже рядом с кроватью, потому что глянул прямо вперед с плеча Саямы, когда они завернули за поворот лестницы.

Юноша быстро поднялся по ступенькам. От пролета он двинулся в коридор. Его комната была самой последней слева.

Лампы дневного света освещали коридор сильнее закатного солнца. Саяма заметил, что дверь в его комнату открыта.

У края коридора перед дверью стояло несколько картонных коробок. Кто-то въезжал.

— ...

Парень тихонько зашагал дальше.

Он мог слышать шум внутри комнаты. Кто-то открывал картонные коробки и вытаскивал их содержимое. Он слышал, как кто-то складывает одежду и раскладывает книги. Этот шум напомнил Саяме о прошлом.

...Я издавал такой же шум в прошлом году.

Он приблизился.

Сквозь открытую дверь парень заглянул внутрь комнаты общежития.

Как только он это сделал, навстречу из комнаты вышла фигура.

Стройная и небольшого роста.

Она споткнулась между коробками, но сумела устоять.

— Ой.

Инерция заставила мешковатую рубашку и облегающие шорты покачнуться. И нечто другое всколыхнулось сильнее, чем одежда: мягкие черные волосы, связанные позади затылка фигуры.

Фигура глянула вверх и слегка расширила глаза.

Саяма узнал это лицо.

—...Синдзё-кун? — спросил он.

— Ах, — ответила фигура.

Голос тоже был идентичным.

Изумленный возглас заставил Саяму задуматься.

...Это мужское общежитие.

Но его мысли на этом не закончились.

...Если бы Синдзё вдруг пожелала жить со мной, что бы тогда случилось?

Девушка имеет отношение к UCAT. Эта школа обладает давним родством с ИАИ, а, значит, она, скорее всего, связана и с UCAT.

Например, Саяма уже столкнулся с Изумо и Казами. Он предполагал, что эта парочка глубоко увязла в ИАИ и UCAT помимо того, что официально о них говорилось.

К тому же, UCAT просил его принять полномочия Пути Левиафана. Присутствие Синдзё могло

послужить средством, подталкивающим его к решению.

Что я должен делать? Что я должен делать? — подумал Саяма дважды, перед тем, как добавить. — Нет, что бы там взрослые не надеялись из этого получить, факт остается, что Синдзё, девушка, прибыла сюда.

Он припомнил, о чем она говорила на мосту перед Императорским Дворцом. Синдзе сказала ему не особо удивляться, когда он вернется в общежитие.

...Это невозможно. Мне бы хотелось иначе, но я потрясен.

Когда Саяма спросил, собирается ли она ему что-то прислать, она кивнула и сказала, что должна.

Как он на это ответил?

...Я сказал ей, что с радостью это приму. Вот как.

Саяма пришел к выводу, что дал свой ответ еще тогда.

Зайдя так далеко, он не должен сомневаться или еще сильнее все усложнять. Парень решил — все должно продолжаться так, как она того пожелает.

С серьезным выражением лица Саяма кивнул в ее сторону. Он беспечно развел руки в разные стороны.

— А теперь прыгай ко мне на ручки.

В ответ Синдзё поклонилась с облегчением.

— Спасибо, что ведешь себя так же неподобающе, как я и слышал. Я младший брат Синдзё Садаме, Сецу.

Руки Саямы все еще были разведены.

По-прежнему улыбаясь, Синдзё Сецу выпрямился.

— Эм, — затем он произнес, опуская кончики бровей и протягивая правую руку.

С руками, по-прежнему разведенными в стороны, Саяма плавно присел и повернул тело на 90 градусов. Он схватил правую руку Синдзё своей правой рукой. Саяма ответил парню рукопожатием.

Это прикосновение дало понять, что у Синдзё не было кольца на правой руке. Саяма поднялся обратно.

— ... Её младший брат?

— Да, — ответил Синдзё с менее нервным голосом и улыбкой. — Разве сестра тебе не сказала? Она попросила меня оставаться тут, пока твоя рука не заживет, Саяма-кун.

Его голос и тон полностью совпадали с Синдзё. Ощущение от его руки также не отличалось.

Саяма ментально повертел головой и отпустил руку парня.

— Как много ты обо мне знаешь?

— Она сказала, что ты ее спас, когда ее чуть не сбила машина, но поранил свою ведущую руку в процессе. Она занята на работе, потому не может ничем тебе помочь, даже если бы хотела.

— Понятно, — сказал Саяма в подтверждение.

...Он что, не в курсе про UCAT?

— Я заранее извиняюсь, но можно мне кое-что проверить?

Синдзё удивленно склонил голову.

— Конечно. Я не против. Но что именно?

— О, ничего особенного.

Саяма встал перед Синдзё, медленно придвинул его ближе и дотронулся до правой стороны его груди правой рукой.

— Э? А... Ч-что ты делаешь?

Когда парень слегка воспротивился, Саяма ощутил только ребра на плоской груди.

Синдзё попытался вырваться от левой руки, несильно обернутой вокруг его спины.

Но Саяма ответил:

— Пожалуйста, не шевелись. Не ты ли только что сказал, что не будешь против?

— Н-но я не думал, что ты имел в виду это...

Плечи Синдзё опустились, и он прекратил попытки улизнуть.

Саяма кивнул и скользнул второй рукой к левой груди Синдзё. Он нажал пальцами, словно пытаясь массировать его грудь, но кожа под белой рубашкой была тонкой и твердой. В ней не было гибкости и не хватало формы груди Синдзё, которую Саяма видел до этого ночью.

...Он парень.

Тело Саямы слегка съехало вниз. Он убрал правую руку от груди Синдзё и в ответ раздался небольшой стон. Словно пытаясь лишить его возможности расслабиться, Саяма обхватил талию Синдзё правой рукой.

— Ах — выдохнул Синдзё, когда Саяма приложил правое ухо к его груди.

Саяма слышал слегка ускоренный стук сердца Синдзё.

Он звучал подобному тому, что он слышал прошлой ночью. Легкий сладковатый запах дыхания тоже не отличался.

Однако грудь, к которой он прижался ухом, совсем не походила на ту грудь, что он видел. Она была плоской и твердой, как грудь парня.

По-прежнему сомневаясь, Саяма спросил:

— Хм...а твоя грудь всегда была такой?

— Н-ну, да...

Саяма поднял глаза и увидел покрасневшее лицо, глядевшее на него. Синдзё слегка прикусил нижнюю губу и нахмурил брови. Под конец он выдал дрожащий вздох.

— Эт-того достаточно? Ты закончил? Мне бы не хотелось, что бы ты стоял тут внизу так долго.

Вместо ответа Саяма схватил руку Синдзё за то место, где она неловко повисла в воздухе, и завел ее себе за спину.

— Э? А... Нет, Саяма-кун?

Когда Синдзё слегка его обнял, Саяма прислушался к пульсу парня.

Но ничего не поменялось. Грудь по-прежнему казалась мужской. Пульс немного усилился, но этим все кончилось.

— Вот как, — кивнул Саяма, перед тем как поднять голову.

... Она сказала, что они близнецы, не так ли?

Саяма еще раз кивнул в своем сердце, поднялся и глянул перед собой.

Синдзё стоял там с покрасневшими щеками и опущенными бровями. Он выдохнул, и Саяма скрестил руки на груди.

— Не волнуйся. Там не было ничего из ряда вон выходящего

— Т-ты необычайно из ряда вон выходящий, Саяма-кун.

— Разве это подходящий способ беседы с тем, с кем ты только что познакомился?

— Тебе стоит сказать это зеркалу...

— Нет необходимости, — заявил Саяма. — Я только что получил предупреждение от Ооки-сенсей внизу. И я стараюсь к нему прислушиваться.

— ... Я должен спросить. Что это было за предупреждение?

Саяма выдал четкий ответ:

— Не говорить ничего неподобающего.

— Вау, — сказал Синдзё и отступил назад.

Так или иначе, Саяма протянул ему правую руку.

— Может, это и продлится до тех пор, пока моя левая рука не заживет, но давай попытаемся поладить, Синдзё-кун. Это не должно вызвать затруднений. По сравнению со всеми вокруг меня, я постоянно обеспокоен тем, насколько же я нормален.

В комнате изобразительного искусства Брюнхильд давала птенцу еду, продолжая работать над картиной. Она добавляла зелени лесу на полотне и кормила птенца, едва он чирикал, сообщая, что проголодался.

Девушка подбирала растертые зерна узким пинцетом, смачивала их в воде и протягивала птенцу. Если она слегка не сжимала корм пинцетом, птичка не брала их в рот.

Черный кот у ее ног заговорил:

— Ты явно вошла в раж.

— Мне нужно продолжать это делать, по крайней мере, до тех пор, пока он не уснет.

— Мне казалось, тебе нужно посетить этой ночью штаб-квартиру. Что будешь делать?

— Еще не время для моего регулярного доклада, но да...будет лучше спросить о том, как мне отныне поступать. Будь это что-то незначительное, я могла бы просто отправить тебя. Но...

Кот кивнул.

— Скорее всего, они уже заметили действия фракции Королевского Дворца. Штаб-квартира будет полна энтузиазма, пытаюсь решить, что же делать.

— До тех пор, пока священный меч Грам хранится под штаб-квартирой ИАИ, у нас связаны руки. ...Вломиться туда, чтобы его забрать — стратегия не в духе Преподобного Хагена.

— Но группа из второго поколения, не ведающего ничего о войне, на удивление мотивирована.

Небольшой птенец чирикнул.

Брюнхильд покормила его из пинцета.

Он проглотил еду и вздохнул. Затем склонил головку и взглянул на девушку. Она оставалась невозмутимой.

—... Он такой милый.

— Ты знаешь, тебе незачем говорить это шепотом, — пожал плечами черный кот. — Но почему ты так одержима этой птицей?

— Я не одержима. Я думаю, что законы природы важны, но также, что жизнь не менее важна.

— Ты противоречишь сама себе.

— Да, противоречу.

Брюнхильд подобрала палитру и кисть. Она поднесла кисть к месту, где не было леса. К пустому до сих пор пространству, что предназначалось для хижины и людей.

— Не хочешь услышать старую историю?

— Хочу.

— Это случилось давным-давно, когда я еще была очень молода.

— Сколько столетий назад это было? Нет, ай, из-вини! Аааай! Кончик этой кисти заострен!!

— Замолчи. Так или иначе, в те времена поселение около леса спас некий человек. Тогда механический дракон вышел из-под контроля. Когда с ним соединился пилот, реакция отрицания оказалась столь велика, что он обезумел. Город был наполовину разрушен, а механический дракон вошел в лес, преследуя людей, что от него бежали.

Кот ничего не говорил и только кивал.

Брюнхильд продолжала рассказ, окрашивая черное основание хижины.

— Тот человек сражался, несмотря на свои раны, и победил врага самостоятельно. Я не знаю, то ли по прихоти то ли еще почему, но после этого он подхватил раненую птицу. Мы все вместе заботились о ней.

Черный кот посмотрел на полотно. Несколько разных людей были нарисованы углем вокруг хижины, которую Брюнхильд окрашивала в черный.

Пожилой мужчина с книгой внутри хижины, девочка и женщина, играющие с птицей у ее входа.

И еще один мужчина просматривался слабо.

Кот осмотрел нераскрашенный рисунок, после чего повернулся к Брюнхильд. В заключение он глянул назад на угольные очертания летящей птицы.

— Значит... — кот наклонил голову. — Ты снова хочешь увидеть взмах этих крыльев? Что-то вроде того?

— Нет, — ответила Брюнхильд с небольшим смешком. — Это картина. Она ненастоящая. Когда наш мир был разрушен, та птица выпорхнула из клетки и...

Она вздохнула, но не стала договаривать.

Тишина, нависшая над ней, заставила кота содрогнуться, но Брюнхильд снова тихонько засмеялась.

— Ха, — она выдохнула перед тем, как заговорить дрожащим, но улыбающимся голосом. — Будь он там, то, думаю, исход бы поменялся. Несмотря на знание, что мир будет разрушен, он спас ту птицу, но почему же не остался до конца? И пускай ненадолго, он и Леди Гутрун были настолько... Так почему?

Когда она задала этот вопрос без конкретного адресата, глаза черного кота расширились.

— Человек, о котором ты говоришь, — тот, о ком я думаю?

— Да. Чародей, прибывший из Лоу-Гира. Человек, что похитил священный меч Грам из 1-го Гира и уничтожил ту землю и то небо. И враг, убивший тех, что были мне как семья, перед тем как сбежать прочь.

Брюнхильд произнесла его имя.

— Зигфрид Зонбург. ...Наш заклятый враг.